

А.В. Добровольский

*Сибирский государственный университет путей сообщения
г. Новосибирск*

dobr@sgyps.stu.ru

О ХАРАКТЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В НОВОСИБИРСКОМ ИНСТИТУТЕ ВОЕННЫХ ИНЖЕНЕРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА (НИВИТе) В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

В статье впервые рассматривается тема политических репрессий в стенах Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТ). Временные рамки исследования охватывают период с середины 1930-х гг. до предвоенного времени. Автором установлено, что первые политические репрессии по отношению к слушателям и профессорско-преподавательскому составу в НИВИТе связаны с избавлением от социально-чуждых элементов после реорганизации гражданского вуза и придания ему статуса военизированного высшего учебного заведения. Дальнейшие репрессии в вузе были предопределены политическими событиями, происходившими в стране – борьбой с антибольшевистскими оппозиционными течениями. Надо отметить, что в те годы коллектив НИВИТа всемерно поддерживал линию партии и советского государства по борьбе с врагами народа. В публикации отражена роль партийных, профсоюзных и комсомольских органов в организации и проведении агитационно-массовых кампаний в это время. Особое внимание акцентировано на репрессиях в институте в годы «большого террора», отдельно рассматривается такое явление, как борьба с «предельщиками» и последствия этой борьбы для конкретных людей и в целом института. В работе впервые раскрывается судьба ряда административно-управленческих работников, заведующих кафедрами, деканов, привлеченных к судебной ответственности по политическим статьям. На основе архивных материалов, приказов по личному составу, газетных публикаций автору удалось восстановить фамилии большинства преподавателей, сотрудников и слушателей НИВИТа, репрессированных в предвоенные годы. В заключение статьи автор формулирует вывод, что почти все лица, репрессированные по политическим мотивам, за единственным исключением, не вернулись в стены вуза.

Ключевые слова: НИВИТ, преподаватели, слушатели, органы НКВД, аресты, репрессии, враги народа, «предельщики».

Тема политических репрессий 1930-х гг. в стенах Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТ) практически не отражена в научных изданиях. Единичные эпизоды приведены в воспоминаниях выпускников института А.К. Дюнина, Д.Ф. Колгатина, П.Т. Семешко [3; 7; 9]. В публикациях историков А.Г. Теплякова, А.В. Добровольского раскрыта судьба бывшего начальника вуза В.М. Шишковского [2; 12]. Первые политические репрессии в стенах НИВИТа были осуществлены в отношении таких категорий, как бывшие чиновники и военнослужащие белогвардейских режимов, затем последовали т. н. называемые «социально-чуждые элементы», сторонники различных антибольшевистских политических партий и группировок, враги народа и т. д.

В конце 1935 г. в НИВИТе были подведены итоги проверки партийных документов, в ходе которой в рядах партийной организации был выявлен «целый ряд чужаков – врагов партии, начиная от участников в троцкистских контрреволюционных группировках до белогвардейских охвостьев» [6, 1935, 11 дек.]. По итогам проверки из рядов ВКП (б) были исключены 25 чел., что составило 18 % к общему составу парторганизации. Парторг института Г.Г. Гаврилов пояснял: «Значительная часть из отобранных партбилетов (35 проц.) приходится на троцкистско-зиновьевское охвостье, проходимцев и чужаков, обманном путем пробравшихся в партию. Следующая категория засоренности, составляющая 40 проц. – это выходцы из классово-чуждой среды, до сих пор не порвавшие с прошлым и не доказавшие свою партийность на деле, активные участники белой армии и носители мелкобуржуазных хвостистских настроений. И, наконец, третья категория – это идейно оторвавшиеся от партии и разложившиеся в морально-бытовом отношении – 25 процентов» [6, 1935, 25 дек.]. Западно-Сибирский крайком ВКП (б) указал парторганизации НИВИТа на слабую постановку партийной работы, неудовлетворительную организацию партийного просвещения, притупление классово-бдительности членов партии. В январе 1936 г. за сокрытие социального

происхождения при поступлении в институт был исключен слушатель П. Гудович¹. Такая же участь постигла и слушательницу Примакову, которая в разговоре с подружкой «позволила себе в явно контрреволюционном заявлении оклеветать руководителей партии и правительства, попыталась наложить пятно на ленинскую партию» [6, 1936, 11 февр.]. В это же время профсоюзное собрание НИВИТа дает согласие на отчисление из вуза слушателей Нестерова (за пьянство и разврат), Свирского (за контрреволюционную листовку), Скопенко (сын кулака), Энно (сын кулака) [6, 1936, 2 мар.].

С 1936 г. в институте начинается борьба с т. н. называемыми «предельщиками». «Почему наши научные работники не изучают кривонососовское движение, – вопрошала институтская газета «Кадры – транспорту», – почему не помогают транспорту в разоблачении старых и в установлении новых научно обоснованных и увязанных со стахановско-кривонососовской практикой норм, а, наоборот, поддерживают битых «предельщиков», насыщая лекции старыми, отжившими нормами» [6, 1936, 24 янв.]. Начальник инженерно-путейского факультета В.М. Завадский публикует статью «За ведущую роль профессуры в борьбе с предельщиной и предельщиками в стенах НИВИТа», где предлагает объявить соревнование между руководителями факультетов на предмет выявления: «а) зараженной терминами «предела» литературы, б) ее авторов, в) лиц научно-педагогического персонала, проводящих в жизнь предельческие идеи и теории, г) методы внедрения предельческих теорий и взглядов в массу слушателей». Он предложил начальнику института «назначить жюри для решений по ходу и результатам соревнования» [6, 1936, 11 февр.]. Но инициатива В.М. Завадского с треском провалилась. В следующем номере редактор газеты Л. Рыжков написал, что он, как редактор, допустил грубую политическую ошибку, опубликовав без санкции парткома обращение начальника факультета. В ходе разбирательства выяснилось, что В.М. Завадский дважды пытался согласовать свой текст у секретаря парткома, его обращение дважды правили и каждый раз указывали автору на политические ошибки. Тем не менее, «тов. Завадский ничего не исправил и неисправленный экземпляр отправил для опубликования в многотиражке. Таким образом, тов. Завадский проявил явное антипартийное поведение, саботаж указаний партийного комитета» [6, 1936, 23 февр.]. Прецедент с обращением серьезно подкосил авторитет и позиции начальника факультета, профессора В.М. Завадского.

9 февраля 1936 г. НКВД СССР направило в периферийные органы госбезопасности шифротелеграмму, в которой предписывалось приступить «к ликвидации всех агентурных дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива» [1]. И если раньше бывших троцкистов просто исключали из партии и увольняли с работы, то это директивное письмо НКВД готовило им иную судьбу: лагеря, тюрьмы, расстрельные статьи.

В августе 1936 г. из института по собственному желанию увольняется преподаватель кафедры иностранных языков К.Ф. Даммер². Из воспоминаний нивитовца выпуска 1938 г., будущего профессора НИИЖТа А.К. Дюнина: «Уехавший в Германию преподаватель кафедры иностранных языков Карл Фридрихович Даммер сразу же был объявлен “немецким шпионом”. Перед отъездом моя подружка Фрида Кемпф купила у него прекрасно изданные сочинения Гете и Шиллера. Ее немедленно исключили из комсомола за “материальную поддержку немецкого шпиона”. Вскоре я “вылетел” из комсомола “за связь с пособницей немецкого шпиона”. К тому же моего отца, работавшего в Кузбассугле, сняли с работы и исключили из партии “за потерю бдительности” – за недоносительство» [3, 26]. После письма в ЦК ВЛКСМ Аркадий Дюнин и Фрида Кемпф были восстановлены в комсомоле и не отчислены из института, но так повезло далеко не всем. Мы полагаем, что если по делу К.Ф. Даммер были привлечены и пострадали даже студенты, то для начальника института это дело имело более серьезные последствия. Секретариат Президиума ЦИК СССР запросил автобиографию и анкетные данные и. о. начальника института В.М. Шишковского³ [фото 1, 2], а 7 августа 1936 г. он был вызван в Москву и вернулся уже в должности заместителя начальника НИВИТа по военной части. В августе по приказу Центрального отдела кадров НКПС в Днепропетровск переводится профессор кафедры «Путь» С.А. Введенский. Отъезд из Новосибирска отсрочил его неминуемый арест, но явно не надолго [13]. Не вызывает сомнения, что профессор С.А. Введенский постоянно находился в поле зрения органов НКВД и явно состоял на особом учете. Подозрение вызывало то обстоятельство, что в декабре 1918 г. С.А. Введенский был направлен в распоряжение Сибирского правительства, сформированного адмиралом А.В. Колчаком. В Сибирском правительстве он занимал должность товарища (заместителя) министра торговли и промышленности.

Новый 1937 г. начался в стране с громкого политического процесса по делу т. н. параллельного

¹ Архив Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 32. Л. 17.

² Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 42. Л. 153.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-7523. Оп. 44. Д. 199. Л. 121.

антисоветского троцкистского центра. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к высшей мере наказания 12 человек, в т. ч. бывших видных деятелей большевистской партии Ю.Л. Пятакова, Л.П. Серебрякова, Я.А. Лившиц, Н.И. Муралова, М.С. Богуславского и других. К десяти годам заключения были приговорены К.Б. Радек, Г.Я. Сокольников, В.В. Арнольд, один (М.С. Строилов) получил 15 лет [4, 209]. Коллектив НИВИТа на митинге 27 января 1937 г. поддержал смертный приговор врагам народа, но не единогласно [6, 1937, 2 февр.]. Доцент Г.А. Тартаковский, только что прибывший на работу из Ленинградского института инженеров транспорта (ЛИИЖТа) (на основании распоряжения центрального управления учебными заведениями НКПС № 26 от 11.11.1936 г. он был командирован в НИВИТ и назначен заведующим кафедрой «Теория механизмов и детали машин с 19.12.1936 г.), выступил в защиту ряда осужденных⁴. «Кадры транспорту» написали, что Тартаковский «клеветал на советский народ, называя его кеглями, безмозглыми баранами, которые голосуют, не зная за что» [6, 1937, 2 февр.]. Общее собрание научных работников НИВИТа тут же изгнало Г. А. Тартаковского из своих рядов. Приказ от 30 января 1937 г. гласил: «Назначенного в НИВИТ по распоряжению ЦУУЗа доцента Тартаковского за антисоветское выступление на общепитовском митинге 27/1-37 г. по вопросу о контрреволюционной шпионско-диверсионной террористической работе врагов народа, привлекаемых по делу «Параллельного центра», от работы в институте отстранить и исключить из числа преподавателей»⁵. В этот же день доцент Г.А. Тартаковский был арестован органами НКВД.

Фото 1. Начальник НИВИТа Владимир Михайлович Шишковский

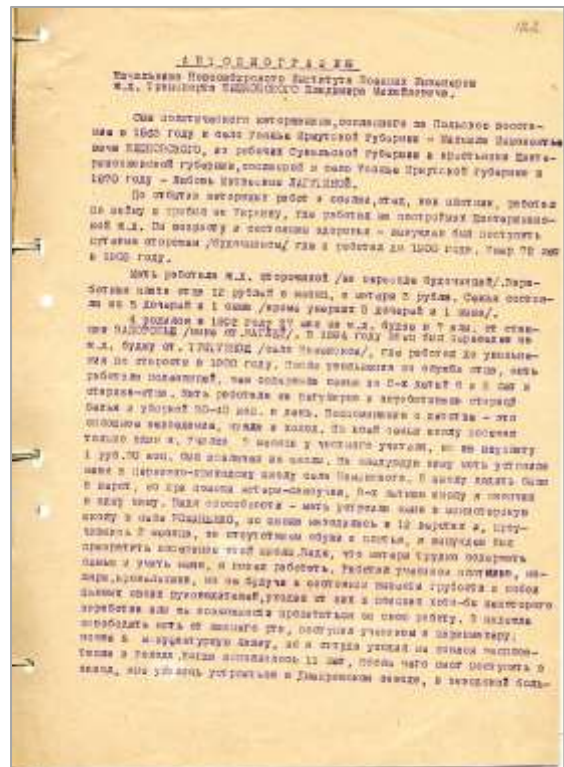

Фото 2. Первая страница автобиографии Владимира Михайловича Шишковского

Через два дня из НИВИТа уволен (и «бесследно исчез») преподаватель немецкого языка, кандидат философии Н.В. Арефьев⁶. На следующий день газета «Советская Сибирь» опубликовала статью под заголовком «Выше большевистскую бдительность», где отмечалось, что на занятиях Арефьев «неустанно прославляет Германию, подолгу рассказывает о своей жене, живущей в Берлине, о себе» [10, 1937, 3 февр.].

⁴ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 505.

⁵ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 100. Оп. 2. Д. 37. Л. 89.

⁶ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 486.

Партком НИВИТа 3 февраля рассмотрел критическую публикацию областной газеты и принял соответствующее постановление, в котором признавалось, что «он не занимался достаточно глубоким изучением кадров института, не ставил со всей большевистской остротой перед начальником института вопросы очищения института от чуждых и враждебных элементов» [6, 1937, 10 февр.]. В принятом решении «указали» начальнику института Н.И. Матвееву и его заместителю по учебной работе Я.М. Орлику на необходимость тщательной проверки кадров, вновь принимаемых в институт, а редактору газеты М. Красильникову на слабое освещение вопросов партийной, политико-массовой работы.

На следующий день в газете «Железнодорожник Кузбасса» появилась статья «Гнилые либералы и примиренцы в НИВИТе», в которой обвиняли бывшего начальника института В.М. Шишковского и бывшего начальника рабфака И.П. Бронникова в том, что они «позволили троцкистским выродкам заканчивать рабфак, допустили их к приемным экзаменам и многих из них приняли в институт. Несмотря на это, – писал автор Н. Золин, – гнилые либералы и примиренцы Шишковский и Бронников остались безнаказанными. Партком института, обсуждая эти факты, ограничился беззубым и халуйским решением, хотя и установил факт защиты Шишковским троцкистов, исключенных из института» [5, 1937, 4 февр.]. Тут же институтская газета «Кадры – транспорту» продолжила эту тему. В статье «Разгромить неразоружившихся предельщиков» открытым текстом говорилось, что «несмотря на сигналы о протаскивании на занятия “предельческого” материала преподавателями Сафраганом, Мацкевичем, Файдышем от общественности института эти факты скрывались» [6, 1937, 10 февр.]. Доцент А.М. Горчаков якобы попытался разоблачить предельщика Мацкевича, но начальник факультета В.М. Завадский всячески препятствовал этому. Тогда доцент Горчаков проявил большевистскую принципиальность и принес в редакцию свою статью под названием «О неразоружившемся предельщике Мацкевиче и его покровителях». В ней он наглядно показал, как заведующий кафедрой «Железнодорожные пути» С.Ф. Мацкевич преподносит предельческий материал на лекциях. «А где в это время начальник факультета Завадский, где другие преподаватели кафедры, – вопрошал в своей статье А.М. Горчаков. Ответ может быть один: доцент Мацкевич на сегодняшний день является неразоружившимся “предельщиком”, а начальник факультета Завадский и преподаватель кафедры Лебедев покрывали его» [6, 1937, 10 февр.]. Сегодня довольно трудно представить, как после этих событий вместе работали в стенах института более 20 лет будущие руководители факультетов С.Ф. Мацкевич и А.М. Горчаков.

Приказом по институту от 5 марта 1937 г. снят с работы и уволен из института доцент А. Файдыш с формулировкой «за допущенное предельчество в преподавании, склоку, провал лекций по мостам»⁷. Приказ об увольнении за предельчество стал весомой причиной для заведения следственного дела по факту вредительства, сознательного подрыва учебного процесса. И больше никто не видел бывшего заведующего кафедрой «Мосты» А. Файдыша.

В феврале 1937 г. за невыполнение приказов и указаний «об изъятии и недопущении к использованию всякого рода предельческой антисоветской литературы» сняли с работы и затем репрессировали бывшего начальника библиотеки А.Ф. Шубина [14, 11]⁸. Эти события происходили на фоне т. н. «дела военных», которое, по мнению историка С.А. Попкова, «начало приобретать форму огромного заговора с того момента, как в феврале 1937 г. органы НКВД обнаружили «шайку шпионов и троцкистов» в Доме Красной Армии (ДКА) СибВО – ведомстве Политуправления округа. Ими оказались музыканты из концертной бригады ДКА, которых приглашали для выступлений в японское консульство в Новосибирске. Вскрылась также «засоренность» армейских библиотек «контрреволюционной троцкистской литературой» [8, 194]. В 1937 г. под каток репрессий попадет новый заведующий библиотекой НИВИТа В.А. Свиридов, потом, в 1938 г., участь предшественников разделит очередной заведующий – В. Коростин [14, 11].

Мартовский (1937 г.) Пленум ЦК ВКП (б) «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» повсеместно стимулировал борьбу с врагами народа. «До конца разгромить предельщиков» – название статьи газеты «Кадры – транспорту» от 8 марта 1937 г. И вновь сокрушительный удар по бывшему «матерому предельщику» Файдышу, очередной «наезд» на доцента Мацкевича. Далее в статье сообщалось, что на расширенном заседании кафедры «Движение и грузовая работа», при участии командования института, представителей парторганизации и актива слушателей, «разоблачен ярый предельщик – кандидат наук Сафраган». Ему инкриминировали использование на лекциях контрреволюционной предельческой литературы, извращение сущности стахановско-кривоносовского движения, развал работы кафедры. В статье сообщалось, что собрание профессорско-преподавательского состава «предупредило доцента Мацкевича, кандидата технических наук Сафрагана и других, что если они в ближайшее время не подвергнут жесточайшей критике допущенные ими ошибки и

⁷ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 100. Оп. 2. Д. 37. Л. 427.

⁸ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 478.

не сумеют хорошо наладить практическую работу, то будут исключены из коллектива НИВИТа» [6, 1937, 8 мар.].

И вновь «удивил» всех профессор В.М. Завадский. Он опубликовал в институтской газете статью «Наглая вылазка врага», в которой уличил доцента Мацкевича в новых «попытках проташить самую махровую предельщину» [6, 1937, 22 мар.]. На экзамене по железным дорогам С.Ф. Мацкевич якобы дал задание слушательнице Витковской рассчитать высоту горки, но при этом «он умышленно выбросил из формулы один из ее членов, являющийся достижением стахановцев». «Мацкевич знает, что делает – писал В.М. Завадский. – Он знал, что учит преступному, он отлично представлял себе значение этого члена, благодаря отсутствию которого высота горки получается завышенная... Ярый и изолгавшийся предельщик, хитро вырвавшийся прошлый раз, разоблачен теперь окончательно» [6, 1937, 22 мар.]. И в заключение В.М. Завадский написал, что не может быть места в советском вузе подлым людям, протаскивающим антигосударственную, контрреволюционную теорию предела. «Мацкевич должен быть изгнан из нашей среды». Мы полагаем, что таким образом декан факультета пытался подправить свои пошатнувшиеся позиции, отвести от себя подозрения в покровительстве предельщиков» [6, 1937, 22 мар.].

Тема борьбы с врагами народа красной нитью прошла на собрании актива НИВИТа (11–14 апреля), на котором присутствовало более 400 чел, в т. ч. свыше 150 беспартийных. «После доклада начальника института Н.И. Матвеева «Об итогах работы Пленума ЦК ВКП (б)» на активе разгорелись горячие прения, в которых выступило 42 чел. из 70 записавшихся. Выступающие подвергли резкой критике работу руководства института, были преданы гласности факты политической близорукости и беспечности в работе парткома, профкома и комитета комсомола, безобразного, бюрократического стиля руководства, замалчивания и затягивания в решении ряда проблем» [6, 1937, 19 апр.]. Прошедшее следом профсоюзное собрание вскрыло неприглядную картину профсоюзной работы в институте. В развале профсоюзной работы были обвинены бывший председатель профкома Савинцев, казначей Нестеренко. В ротозействе обвинили действующего председателя профкома К.М. Веренича и председателя ревизионной комиссии Ульяхина, передоверивших всю профсоюзную работу отдельной группе слушателей [6, 1937, 19 апр.].

Коллектив НИВИТа 13 июня 1937 г. единодушно поддержал приговор специального присутствия Верховного суда СССР по делу М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова, В.К. Путны по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58¹⁻⁴, 58⁶ и 58¹¹ УК РСФСР» [6, 1937, 15 июня]. «Дело Тухачевского» резко подстегнуло маховик репрессий среди военных в Сибири.

В июле 1937 г. заместитель начальника НИВИТа по военной работе полковник В.М. Шишковский вернулся с летних военно-полевых сборов, пошел в очередной отпуск и вновь попал в поле зрения органов НКВД. Поиски «врагов народа» в армии, считает историк А.Г. Тепляков, «довольно быстро вывели чекистов и на Шишковского, чья биография была обременена как знакомством с уже репрессированными видными военными, так и доносами предшествующих лет» [12, 16]. Взятый по делу «военно-троцкистской организации» начальник отделения 3-го отдела штаба СибВО майор М.Г. Токмаков 20 октября 1937 г. под давлением чекистов заявил, что Шишковский был ее участником, обрабатывал в троцкистском духе студентов НИВИТа с целью их последующей вербовки в организацию и «разваливал» дисциплину как учащихся, так и преподавательского состава [12, 16]⁹.

28 октября 1937 г. в газете «Железнодорожник Кузбасса» появилась статья «Беспечный партком», в которой секретарь парткома НИВИТа Кочкина критиковалась за то, что проявляет явную беспечность и нерешительность в разоблачении врагов народа: «Небезызвестно, что бывший начальник института Шишковский имел тесные связи с врагами народа, развалил учебную работу института, засорил институт вражеской агентурой. За все это время Шишковский исключен из партии, но продолжает работать в институте до сих пор» (статья «Беспечный партком» была перепечатана в институтской газете «Кадры – транспорту» [6, 1937, 3 нояб.]). На следующий день приказом по НИВИТу № 194-а от 29 октября 1937 г. полковник В.М. Шишковский был освобожден от должности заместителя начальника института по военной работе как уволенный в запас приказом Народного Комиссара Обороны СССР [2, 40]. Через два дня в управлении НКВД по Новосибирской области была подписана справка на арест и привлечение к уголовной ответственности по статьям 58¹⁶, 58⁴, 19–58⁸, 58¹¹ УК РСФСР бывшего заместителя начальника НИВИТа В.М. Шишковского, ордер на право обыска и арест датирован от 5 ноября 1937г.¹⁰ После двухмесячного заключения В.М. Шишковский 19 января 1938 г. был приговорен к высшей мере наказания¹¹. Но его еще почти десять месяцев использовали в ходе следствия по делу военного прокурора

⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Новосибирской области (УФСБ по НСО). Д. 3715. Лл. 2, 3. 101.

¹⁰ Архив УФСБ по НСО. Д. 3715. Лл. 1, 2, 4.

¹¹ Архив УФСБ по НСО. Д. 3715. Л. 122.

Сибирского военного округа П.Д. Нелидова [12, 16]. 14 ноября 1938 г. высшая мера наказания в отношении В.М. Шишковского была приведена в исполнение¹².

В задачах коллектива на 1937/38 учебный год начальник НИВИТа Н.И. Матвеев писал: «Вражеские элементы, маскировавшиеся в ЦУУЗе и в нашем институте, нанесли немалый вред институту. Потому внимание всего коллектива должно быть направлено на быстрейшую ликвидацию последствий вредительства» [6, 1937, 2 сент.]. В октябре 1937 г. за предельчество был снят с работы и уволен начальник кафедры «Движение и грузовая работа» Э.И. Сафраган¹³. Тут же арестовали преподавателя факультета особого назначения Василенко, который якобы при Колчаке служил начальником штаба отдельного степного корпуса [6, 1937, 11 окт.]. Бывшему начальнику этого факультета П.А. Холопову был предъявлен «счет» за потерю революционной бдительности, содействие в трудоустройстве в военный институт бывшего колчаковца. В ноябре 1937 г. были отчислены из института слушатели факультета «Постройка железных дорог и путевое хозяйство» Н. Семин (506 гр.), Н. Фомичев (205 гр.)¹⁴. Отчисление (или увольнение) задним числом стало верным признаком того, что эти люди были арестованы и потом уволены по предложению следственных органов прокуратуры или НКВД.

В ноябре 1937 г. газета «Железнодорожник Кузбасса» опубликовала очередную статью под заголовком «Очистить от врагов институт инженеров транспорта», в которой говорилось, что летом 1937 г. «из института под видом академической неуспеваемости исключено несколько десятков студентов преимущественно из рабочих. Это дело рук врага народа Орлика, бывшего зам. начальника института. Теперь институт вынужден восстанавливать неправильно исключенных. Уже восстановлено около половины» [5, 1937, 5 нояб.]. Далее автор писал, что «засоренность» института врагами народа возможна потому, что в НИВИТе нет настоящей самокритики, которую в первую очередь не любит секретарь парткома Кочкина (ее судьба уже была предрешена). И в очередной раз «Железнодорожник Кузбасса» указал на новых врагов народа: в комитете комсомола до недавних дней работал секретарем комитета Савинов, в профкоме «орудовали авантюристы вместе с членом парткома Веренич». А сейчас руководство профсоюзного комитета института доверено пособнику врагов народа В. Эттейну, исключенному из рядов ВКП (б). Редактор институтской газеты М. Красильников тоже попал в число сомнительных лиц. Автор статьи писал, что «о предельщике Сафрагане студенты поднимали вопрос давно, но только после категорических требований он был освобожден от работы. Преподаватель Северюхин и по сей день остается на работе, хотя все знают, что он пропагандирует контрреволюционные измышления о железнодорожниках» [5, 1937, 5 нояб.]. Не вызывает сомнения, что эта статья появилась под кураторством органов НКВД. В заключение статьи автор написал, что в НИВИТе лекции преподавателей, как правило, не проверяются. Наиболее важные дисциплины, как ленинизм и другие, из года в год снимаются с учебного плана. Не ясно ли после этого, что окопавшиеся в институте враги народа всеми мерами пытаются сорвать подготовку кадров для транспорта. Все указанные в статье лица вскоре были уволены и исключены из института, некоторые арестованы.

Институтская газета «Кадры – транспорту» 19 ноября 1937 г. перепечатала статью «Очистить от врагов институт инженеров транспорта» и в этом же номере отреагировала на критику своей публикацией «Быстрее ликвидировать последствия вредительства». Преподаватель политэкономии И.Л. Миронов 9 ноября был отстранен от чтения лекций и уволен с работы 15 ноября 1937 г.¹⁵ 1 декабря «за допущение грубейших ошибок в преподавании» с преподавательской работы был снят ассистент кафедры электротехники Кустов [6, 1937, 28 нояб.]¹⁶. На следующей неделе был уволен ассистент кафедры «Строительное производство», бывший начальник рабфака И.П. Бронников¹⁷.

Больше всего в годы политических репрессий середины 1930-х гг. пострадали кафедры гуманитарного профиля. К ним на занятия приходили представители администрации и «компетентных» органов, которые оценивали уровень политической благонадежности преподавателей. Проверяющие считали количество цитат классиков марксизма-ленинизма, частоту упоминаний имен Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, число критических высказываний в адрес политических противников и врагов народа. Субъективная оценка любого проверяющего становилась мерилем судьбы человека.

Первым среди гуманитариев пострадал заведующий кабинетом социально-экономических дисциплин Ш.П. Мурановский. В преамбуле приказа № 54 от 29.03.1937 г. записано: «Неоднократные указания о развертывании и подъеме работы кабинета социально-экономических дисциплин на принципиальную высоту, как важнейшего фактора в деле политического воспитания учащихся,

¹² Архив УФСБ по НСО. Д. 3715. Л. 122.

¹³ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 111.

¹⁴ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 56.

¹⁵ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 58.

¹⁶ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 27.

¹⁷ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 23.

начальником этого кабинета Мурановским не выполнены. Он срывает работу по плану, не обеспечил твердой дисциплины среди сотрудников и четкого распорядка, игнорировал выполнение заданий начальника кафедры социально-экономических наук»¹⁸. Ш.М. Мурановский был снят с работы и уволен из института 29 марта 1937 г. На следующий день в газете «Железнодорожник Кузбасса» появилась статья «Троцкистский контрабандист», изобличающая прошлое и настоящее бывшего красного партизана, ныне преподавателя кафедры социально-экономических дисциплин И.Т. Вологжина (статья была перепечатана в институтской газете «Кадры – транспорту» [6, 1937, 2 апр.]). Приказом начальника института от 31 марта 1937 г. преподаватель политэкономии И.Т. Вологжин был отстранен от работы и уволен «за допущение грубых ошибок и извращения в преподавании»¹⁹. Долгое время он находился под следствием и только потом, через три месяца, ему было предъявлено обвинение. Администрация вуза даже была вынуждена оплатить ему вынужденные прогулы: приказ от 31 июля (*обращаем внимание – июль*) гласил: «Во изменение приказа № 55/а от 31.03.37 преподавателя Вологжина И.Т. считать уволенным из института не с 31 марта, а с 30 июня 1937 г.»²⁰.

На 1 октября 1937/38 учебного года на кафедре социально-экономических дисциплин оставалось всего три штатных преподавателя: А.М. Смищенко – заведующий кафедрой, и. о. доцента; Г.И. Григоров – и. о. доцента, преподаватель; К.А. Лысенко – и. о. доцента²¹. На 1 августа 1938 г. в списке преподавателей кафедры социально-экономических дисциплин два преподавателя – и. о. начальника кафедры, доцент Я.Г. Дерягин и старший преподаватель И.А. Суслов, две вакансии²². В докладе на партийном собрании 15 октября 1938 г., посвященном введению новой дисциплины «Краткий курс истории ВКП (б)», Я.Г. Дерягин говорил: «Всем товарищам известно, что я начальником кафедры работаю с марта месяца этого года. Я не знаю, как работала кафедра в те годы, но то наследство, которое получено мною, как начальником кафедры, говорит о том, что в первом семестре кафедра социально-экономических дисциплин в прошлом году не работала совсем»²³. И как же она могла работать, если за 1937 г. были арестованы пять преподавателей кафедры: Ф.С. Новосельский, Ш.Т. Мурановский, Н.Т. Вологжин, И.А. Миронов, К.А. Лысенко [6, 1937, 28 дек.]. С 1939 г. в работе партийных органов ВКП (б) стала повсеместно распространяться практика направления (согласования) кадров преподавателей исторических и социально-экономических дисциплин.

Первые групповые аресты слушателей НИВИТа были осуществлены в конце 1936 г. По невыясненным нами причинам были арестованы и исключены из института: с 5.11.1936 – Т. Обуховский (211 гр.); с 15.11.1936 – С. Пак (308 гр.); с 23.11.1936 – Д. Ким (308 гр.); со 2.12.1936 – Е. Казаков (207 гр.); с 4.12.1936 – Квесешвили (205 гр.). Все они были исключены задним числом, одним приказом от 17 января 1937 г.²⁴. На листе приказа № 13-в от 17.01.1937 г. впервые появилась негласное рукописное распоряжение начальника института «На доске нет», что стало для нас новым признаком выявления людей, репрессированных органами НКВД [фото 3]. Следующим приказом от 25 января 1937 г. из института исключили задним числом слушателей И. Бабунашвили (с 27.11.1936), Н. Ольшевского (с 28.11.1936), В. Сардыкова (с 29.11.1936), А. Дошук (со 2.12.1936), Е. Кацинского (со 2.12.1936), А. Коржевского (с 4.12.1936), Быкова (310 гр.)²⁵. В феврале 1937 г. отчислили из института еще четырех слушателей, которые уже более двух месяцев находись в следственных изоляторах НКВД: с 4.12.1936 г. – Шалагинова (407 гр.), Симанчук (409 гр.), Засюк-Корицкого (509 гр.); с 5.12.1936 г. – Макарова (508 гр.)²⁶.

¹⁸ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 364.

¹⁹ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 363.

²⁰ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 37. Л. 147.

²¹ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 42. Л. 156.

²² Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 54. Т. II.

²³ ГАНО. Ф. р-1100. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

²⁴ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 43. Л. 34.

²⁵ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 43. Л. 43.

²⁶ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 43. Л. 73.

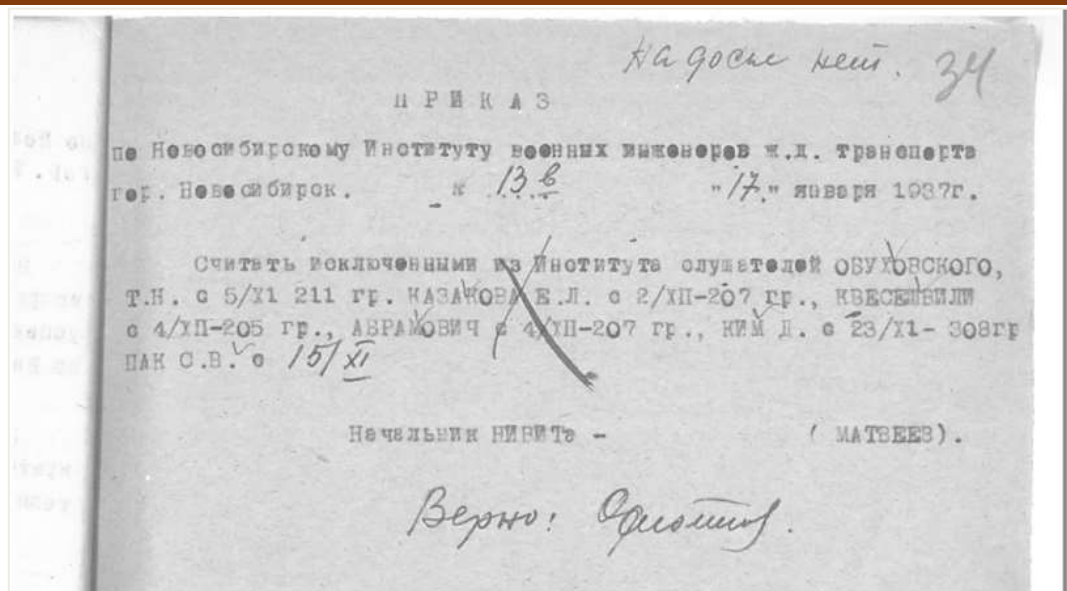

Фото 3. Приказ по НИВИТУ от 17 января 1937 г. об отчислении слушателей, репрессированных органами НКВД.

В своих воспоминаниях выпускник 1938 г. П.Т. Семешко писал: «Дверь на балкон была открыта, и мы услышали, что к подъезду подошла автомашина. Затем снизу раздался стук солдатских сапог по лестнице. Посетители, видимо, заметив пробивавшийся свет, открыли дверь в нашу комнату. Это были энкаведешники. Назвав несколько фамилий, они попросили проводить их в комнаты, где жили эти студенты. Кто-то из ребят повел их. Я выглянул с балкона и увидел, что у подъезда стоит грузовой автомобиль, а в кузове, по углам – четыре охранника с винтовками с примкнутыми штыками. Из общежития взяли шесть человек, но не с нашего курса. Наутро мы недосчитались и двух преподавателей. Ими оказались профессор В.М. Завадский и преподаватель-мостовик К.И. Андреев. Дальнейшее для нас осталось неизвестным» [9, 16].

Надо сказать, что ситуация с начальником путейско-строительного факультета В.М. Завадским выглядела на самом деле по-иному. Он как бы почувствовал предстоящую опасность, написал заявление об увольнении и 10 февраля 1938 г. выехал в Томск. На следующий день за ним пришли... Приказом по НИВИТУ от 16 февраля 1938 г. В.М. Завадский был уволен из института задним числом (с 10.02.1938 г.)²⁷. Больше полугодом его допрашивали следователи НКВД, а «27 октября 1938 г. Военная коллегия Верховного суда вынесла ему приговор... И расстреляли...» [3, 27].

В январе 1938 г. состоялся пленум ЦК ВКП (б), который рассмотрел вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б) и мерах по устранению недостатков». Статья в газете «Кадры – транспорту» под заголовком «Быстрее исправлять ошибки» критиковала партком и в целом партийную организацию института за огульный подход к судьбе членов партии. «И главное, что больше всего имело у нас место, – это решение вопроса о судьбе члена партии без достаточной проверки поступивших на того или иного члена партии компрометирующих его материалов» [6, 1938, 23 февр.]. В статье отмечалось, что на основе публикации газеты «Железнодорожник Кузбасса» от 5 ноября 1937 г. необоснованно был объявлен пособником врагов народа бывший секретарь комитета комсомола Савинов; суд установил полную непричастность коммуниста Веренича к растратам в профкоме; не подтвердились обвинения и в адрес бывшего редактора институтской многотиражки М. Красильникова.

В феврале 1938 г. в институте восстановили в должности ассистента кафедры социально-экономических дисциплин И.А. Миронова (с 20 января 1938 г.), в должности и. о. начальника кафедры социально-экономических дисциплин был восстановлен К.А. Лысенко (с 28 декабря 1937 г.), восстановили в правах слушателя Е. Бредюк²⁸. Выгнанный из партии К.А. Лысенко тут же подал апелляцию и добился того, что Дзержинский райком ВКП (б) отменил решение парторганизации НИВИТа и восстановил его в партии. Правда, буквально через неделю он вновь попал в руки органов НКВД и повторно был уволен из института с 22 февраля 1938 г. приказом от 9 марта 1938 г.²⁹

²⁷ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 43. Л. 71.

²⁸ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 43. Л. 60, Д. 44. Л. 287, Д. 44. Л. 297; Приказы по НИВИТУ № 23 от 01.02.1938 г., № 33-б от 17.02.1938 г., № 26 от 08.02.1938 г.

²⁹ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 43. Л. 108.

20 марта 1938 г. состоялось общее собрание комсомольской организации НИВИТа, на котором рассматривался вопрос об исправлении ошибок, допущенных при исключении из комсомола. Докладчик В. Васильченко «привел ряд цифр и конкретных фактов, свидетельствующих об огульном и формально-бюрократическом отношении к ряду членов ВЛКСМ при исключении из комсомола» [6, 1938, 31 мар.]. Так, совершенно необоснованно были исключены из комсомола тт. Малков, Дюнин (восстановлены при вторичном разборе). По навету был выведен из состава комитета комсомола и сурово наказан А. Сазонов – ответственный за бытовой сектор. «Собирание грязи и выливание ее на здоровую голову было характерным явлением в ряде наших курсовых организаций, а комитет комсомола, исключая пачками, доходящими до 16 человек за одно заседание, не разобравшись достаточно в фактах, штамповал решения курсовых организаций» [6, 1938, 31 мар.]. В резолюции собрания комсомольцы призвали комитет и первичные организации быстрее и смелее выправлять допущенные ошибки в вопросе об исключении из рядов ВЛКСМ, разоблачить перестраховщиков и клеветников. В это же время Дзержинский райком ВКП (б), разбирая дело исключенного из партии зам. начальника факультета «Движение и грузовая работа» П.А. Холопова, не нашел оснований для исключения его из партии как прямого пособника врага народа. За проявленную политическую слепоту в разоблачении бывшего колчаковца Василенко тов. Холопову объявлен выговор [6, 1938, 31 мар.]. Вскоре в институте восстановили слушателей И. Кочнева и Н. Рагулину, исключенных в ноябре 1937 г.³⁰

С середины 1938 г. политические репрессии в институте пошли на спад. Осенью 1938 г. в стране прекратилась деятельность «троек». Последней их жертвой в НИВИТе стал майор Н.Н. Борисов. В приказе № 180 от 4 октября 1938 г. написано: «Временно и. о. начальника кафедры “Военных дисциплин” майора Н.Н. Борисова из института уволить с 3/Х – сего года»³¹. В воспоминаниях бывший слушатель строительного факультета Д.Ф. Колгатин писал: «Кафедру тактики во время нашей учебы возглавлял майор Н.Н. Борисов. За два года до нашего поступления он был арестован по ложному доносу. После реабилитации вернулся в институт. О его прошлом напоминал “иней” в волосах да беззубый рот» [7, 39]. Спустя тридцать лет, после завершения трудовой деятельности на военной кафедре НИИЖТа, полковник Н.Н. Борисов стал первым директором институтского музея.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» положило конец «Большому террору». В последующие предвоенные годы, начиная с 1939 г., из НИВИТа увольняли за прогулы и неуспеваемость, за нарушение уставных отношений и антиобщественные деяния, позорящие звание слушателя. Преподавателей отстраняли от работы за опоздания на лекции, невыполнение приказов руководства института, постановления правительства об укреплении трудовой дисциплины. Так, ассистент кафедры «Физика» В.П. Целищев был уволен 13.03.1939 г. за опоздание на лекцию на 2 часа 10 мин.³²

Таким образом, из института исключали (слушателей) и увольняли (сотрудников) по разным причинам: за правонарушения (пьянки, прогулы), за академическую задолженность (по зачетам, практикам, экзаменам), за преступления (халатность, нанесение тяжких телесных повреждений, подлог, воровство), по политическим мотивам (классово-чуждые элементы, враги народа). Мы уделили внимание двум последним категориям, которых увольняли как социально-чуждых элементов, арестовывали за антибольшевистские взгляды (или позицию), за прошлые деяния родных и близких, репрессировали в периоды массовых кампаний по разоблачению врагов народа. Мы не можем ручаться, что восстановили фамилии всех преподавателей, сотрудников и слушателей НИВИТа, которые пострадали в годы политических репрессий середины 1930-х гг. Списки командного и профессорско-преподавательского состава, списки слушателей НИВИТа за 1940–1941 гг. позволяют определенно сказать, что почти все репрессированные по политическим мотивам, за единичными исключениями, не вернулись в стены вуза. Мы не знаем об их дальнейшей судьбе, которая и по сей день хранится под грифом «секретно» в следственных делах правопреемников органов НКВД.

Библиографический список

1. *Дело объединенного троцкистско-зиновьевского центра* [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.krugosvet.ru/node/33829> (дата обращения – 23.07.2019).
2. *Добровольский А.В.* Начальник НИВИТа полковник В.М. Шишковский // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные науки. 2019. № 1 (5). С. 35–42.
3. *Дюнин А.К.* Так много прожито и пережито... // Путевку в жизнь нам дал НИВИТ. Новосибирск, 2004. С. 19–28.

³⁰ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 44. Л. 49.

³¹ Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 43. Л. 591.

³² Архив НИИЖТа (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 59. Л. 23.

4. Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. М.: Вече, 2013.
5. Железнодорожник Кузбасса. 1937.
6. «Кадры – транспорту». Орган парткома, управления НИВИТа, профкома, МК и комитета ВЛКСМ. 1935–1940 гг.
7. Колгатин Д.Ф. Накануне войны // Путевку в жизнь нам дал НИВИТ. Новосибирск, 2004. С. 29–46.
8. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1997.
9. Семешко П.Т. Как рабочий человек стал инженером // Путевку в жизнь нам дал НИВИТ. Новосибирск, 2004. С. 5–18.
10. Советская Сибирь. 1937.
11. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008.
12. Тепляков А.Г. Чужой среди своих: комиссар, чекист, военный разведчик Владимир Шишковский // Развитие территорий. 2018. № 3 (13). С. 12–18.
13. Хандорин В.Г. Политическая эволюция сибирской интеллигенции [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://64vlad.livejournal.com/1313.html> (дата обращения – 23.07.2019).
14. «Это наша с тобой биография...»: Сборник документов и фотографий. К 70-летию научно-технической библиотеки / Сост. Л.А. Актуганова, Л.В. Виберг. Новосибирск: НТБ СГУПС, 2002.

A.V. Dobrovolsky

*Siberian state transport University
Novosibirsk*

dobr@sgyps.stu.ru

**ON THE NATURE OF POLITICAL REPRESSION IN THE NOVOSIBIRSK INSTITUTE
OF MILITARY ENGINEERS OF RAILWAY TRANSPORT (NIVIT)
IN THE PREWAR YEARS**

The article deals for the first time with the topic of political repression within the walls of the Novosibirsk Institute of military engineers of railway transport (NIVIT). The time frame of the study covers the period from the mid-1930s to the prewar period. The author found that the first political repression against students and faculty in Nivit associated with getting rid of socially alien elements after the reorganization of the civil University and giving it the status of a paramilitary institution of higher education. Further repressions at the University were predetermined by the political events taking place in the country – the fight against anti-Bolshevik opposition movements. It should be noted that in those years the team of NIVIT strongly supported the line of the party and the Soviet state to fight the enemies of the people. The publication reflects the role of party, trade union and Komsomol bodies in the organization and conduct of agitation and mass campaigns at this time. Special attention is paid to the repressions in the Institute during the years of the “great terror”, such a phenomenon as the struggle against “traitors” and the consequences of this struggle for specific people and the Institute as a whole is considered separately. The work reveals for the first time the fate of a number of administrative and managerial employees, heads of departments, deans, brought to justice under political articles. On the basis of archival materials, orders on personnel, newspaper publications the author managed to restore surnames of the majority of teachers, employees and listeners of NIVIT repressed in pre-war years. In conclusion, the author concludes that almost all persons repressed for political reasons, with a few exceptions, have not returned to the walls of the University.

Keywords: NIVIT, teachers, listeners, NKVD bodies, arrests, repressions, enemies of the people, “traitors”.